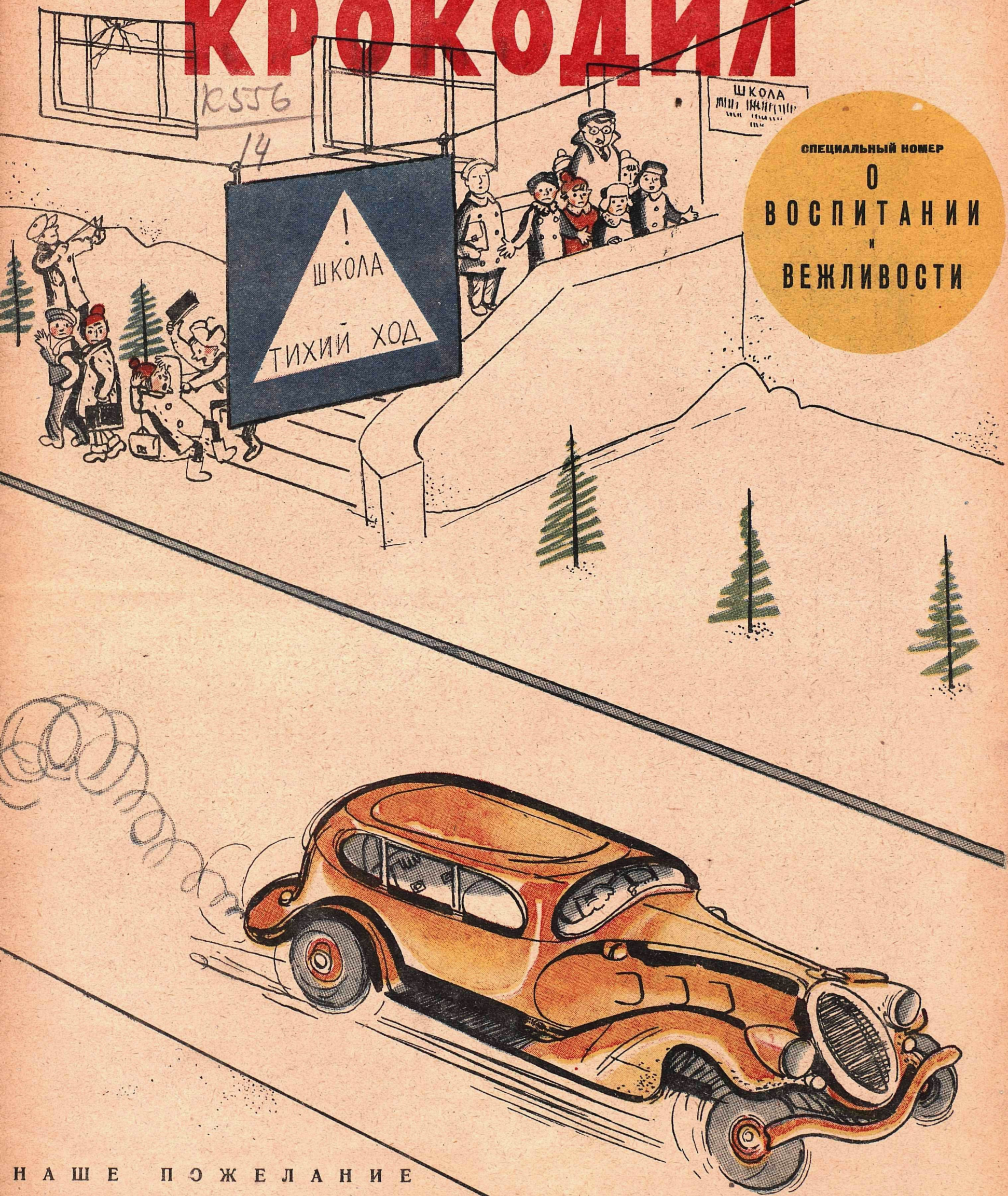

КРОКОДИЛ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР
 О
 ВОСПИТАНИИ
 И
 ВЕЖЛИВОСТИ

НАШЕ ПОЖЕЛАНИЕ

Как было бы хорошо, если бы автомобили Наркомпроса не только замедляли ход на этом месте, но и почаще здесь останавливались.

Рис. Л. Генча

Вожатый, который всегда слишком спокоен.

Вожатый, которому всегда приходится волноваться.

Так уже принято, что подход к большой проблеме должен начинаться с показательного примера или минимум с исторического восклицания.

Имеем то и другое.

Летом этого года, в сухой июльский день, на палубе большого волжского парохода пассажир ел яичницу. Этот популярный и довольно приятный способ насыщения редко вызывает инциденты. Но на этот раз инцидент произошел.

По палубе прогуливался другой пассажир. Для ясности назовем его Икс.

Икс, как и полагается некоторым загадочным натурам, был подвыпивши. Поэтому от него сильно пахло рябиновой и холодными котлетами.

Икс постоял на ветерке, посмотрел на одиноких чаек, вздохнул, подошел к закусывавшему пассажиру и плюнул ему в яичницу. Хозяин оплеванной яичницы поднял крик. Стенографистки поблизости не было, так что содержание его крика воспроизводим не текстуально, а по памяти:

— Хам!

Прибежали из кают пассажиры. Проанализировав событие, они обратились к Иксу с предложением хотя бы в несвязной форме обосновать свой поступок.

— Зачем вы ему плюнули в яичницу?

Икс психологически икнул, подумал, еще раз посмотрел на одиноких чаек и с таким же бестревожным недоумением задал вопрос:

— А что?

Вот мы с вами и нашли в отдельном бытовом факте то самое обобщающее восклицание, которое нам нужно, чтобы объяснить, чему посвящен этот номер Крокодила.

Этот номер посвящен не столько самой невоспитанности или хулиганству, сколько людям, которые наблюдают их и, разинув рот, спрашивают:

— А что?

Людям, которые поднимают крик только тогда, когда плюют в их собственную яичницу, и молчаливо ухмыляются, когда плюют в чужую;

людям, которые и сами не прочь поплевать, если их никто не заметит;

людям, которые думают, что хорошо воспитанный и вежливый школьник — это буржуазные штучки, и не рано ли еще советскому школьнику быть воспитанным;

людям, которые не понимают, что распушенность, хулиганство подростков и взрослых есть величайшая опасность для советского быта. И главным образом, не понимающим, что для социалистического общества необходим воспитанный человек, воспитанный школой, комсомолом, средой и коллективом,—

им, таким людям, без любви и преданности, а с искренней злобой, мы и посвящаем этот номер.

ТАИНСТВЕННЫЙ ХУЛИГАН

Своим грязным унынием дом напоминал пьяного, который проснулся на заднем дворе и с тоскливой обидой припоминает, кто именно из недавних собеседников выкупал его в луже. Антенны на крыше стояли криво и беспомощно, как остатки частоты на огороде, в котором побывали свиньи. Краска сползла со стен. Около ворот была выбоина, похожая на дупло в зубе старика. И только волнообразные накопления мусора и неподобранного утиля во дворе напоминали о том, что дом широко обитаем.

И вот именно в таком прозаическом доме и произошло то таинственное событие, о котором нам придется рассказать.

Нить этого события начала распутывать председательница санитарной тройки Нина Ивановна Дубинь. Речь ее на экстренном заседании правления жакта, созванном по поводу запоя истопника Демидыча, была коротка и деловита.

— В нашем доме, — сказала Нина Ивановна, сверкнув неуловимым взглядом сквозь стекла пенсне, — в нашем доме завелся хулиган. Я это утверждаю от лица домовой общественности.

— Прошу осторожнее, гражданка зубная врач, — несколько официально и обиженно перебил ее управдом Теркин, — не такое сейчас время, чтобы бросаться хулиганями.

— Беру хулигана на себя, — так же неуловимо подтвердила Нина Ивановна. — Что мы имеем? Мы имеем уже четыре пострадавших случая. Пусть жертва из одиннадцатого номера подтвердит мое выступление.

Жертва из одиннадцатого номера не отказалась от подтверждения. Это был сухонький старичок, говоривший с невысказанной болью в душе.

— Я семь лет служу на одном месте, — сказал он, собираясь с мыслями. — А у меня в комнате с потолка каплями капает. И вот на прошлой неделе развесил я выстиранное белье на чердаке, — мне приходившая Марья Гавриловна стирала, — и что же выдумаете: все на полу. Постаскивали гады с веревки, побросали, а по, извините, кальсонам, точно медведь лапами брыкал, — в золе все, и завязки порваны. Разве ж так живут люди? Чистое хулиганство!

Домовая общественность заволновалась.

— Вот вы говорите — белье. Вы изволили сказать кальсоны, — возмущенно откликнулся экономист из девятого номера, — а лампочки? Лампочки на культурном фронте не ниже кальсон. А кто их вывертывает? Почему это я, человек с высшим образованием, должен, как собака, держаться вечером за перила, когда возвращаюсь в свой семейный уют? Уважаемая Нина Ивановна дважды права: в нашем доме есть хулиган.

— Есть еще жертвы, — попрежнему неуловимо вставила Дудник и обвела собрание торжествующим взглядом. — Пусть они обменяются мнениями.

— Я не жертва, раз вы на этом настаиваете, — поднялся жилец из двадцать первой квартиры, — но поскольку дело идет о проявлении социального бандитизма... Прошу слова к ведению заседания!

— Вы его заимели, — кивнул председатель жакта Теркин, — закругляйтесь и продолжайте.

— Раз, говорю я, — продолжал жилец из двадцать первой квартиры, — мы должны быть, как один, против проявлений, то я должен заявить, что у меня ежеутренне прут газету. Она торчит из ящика, и ее прут. Непосредственно после втыкания письменосцем.

— А почему у меня не прут? — нахмурился секретарь правления.

— Не выписываете печатного слова, потому и не прут.

— Мало ли что не выписываю. Вы мне на голову не садитесь. Я не вам подчинен. Вставали бы пораньше и брали вашу газету.

— Я встаю, когда хочу. Я встаю поздно. Я голый не могу выходить на общественную лестницу, по которой дамы ходят.

— Вы бы на пианинах меньше играли, — едко вступилась жилица из девятнадцатого номера. — Я не какая-нибудь. Я все слышу. Вы думаете, если вы кресла ночью катаете, либо в десять ног танцы разводите, так я уж не слышу, что у меня над головой делается? Необразованная, мол, не услышит. Так я вас на счет газеты понимать должна? Газета! Для вас все — газета, а кто за слова отвечать будет? Я без газеты проживу, а со словами я жить не желаю. У меня дети.

— Какие слова, гражданка? — хмуро спросил Теркин. — Закругляйтесь.

— Пусть лучше они, хулиганы, не закруглятся. Слова обыкновенные. Дверные. Как утром открываешь дверь, а на ней слова. Пишут.

— Какие слова, гражданка?

— Какие надо, такие и пишут. Мелом.

— Довольно. Это не я говорю, а домовая общественность говорит: довольно! — решительно вмешалась Нина Ивановна. — Подведем теперь итоги и цифры. Что мы имеем на сегодняшний день в доме семь-пятнадцать во Яловому переулку? Мы имеем социально опасное вывертывание электроприборов с лестницы, мы имеем покружу периодических органов, не считая организованной сброски белья советских граждан в общественном чердаке, и ко всему этому писание мелом, которое нельзя не рассматривать как выпад. В доме семь-пятнадцать есть хулиган, как некоторые из нас сигнализировали. Каким взглядом смотрит наш председатель товарищ Теркин на хулигана? Никаким. Он умывает руки в этом вопросе. Он не берет. Но хулиган должен быть выявлен. Я предлагаю для выявления этого позорного явления избрать Григория Марковича из одиннадцатого номера, вот эту гражданку, которая выступала со словами, меня и...

На другой день рано утром внезапно появился временно освободившийся от запоя истопник Демидыч. От него пахло нефтью, водкой и прелым картофелем.

— Кончил водку жрать? — хмуро спросил его Теркин. — Эх, борода!..

— Кончил-с, — почтительно ответил Демидыч и виновато вздохнул.

— Вот что, Демидыч, — задумчиво сказал обеспокоенный после вчерашнего заседания Теркин, — возлагаю на тебя общественную работу. В доме завелся хулиган. Понял?

— Хулиган, это можно, — согласился Демидыч.

— Ну, так вот. Как затопишь у себя там, иди на всю ночь на лестницу и смотри. Наблюдай. До позднего утра наблюдай. Потом скажешь, что заметишь. А ежели кого поймает, — мы тебе на общем собрании благодарность вынесем в пять рублей. Ступай.

— Не извольте беспокоиться, Иван Савич, — погладил Демидыч

бороду — не маленький. Как пымаю хулигана, так к вам и сволоку. У меня не вырвется.

Демидыч дежурил честно. С одиннадцати вечера он уже засел в кабинку недействующего лифта, вылезал из него с таинственным видом разведчика, обошел чердак, прислушивался около дверей и в десять утра, утомленный и разочарованный, постучался к Теркину.

— Ну? С чем пришел, Демидыч?

— Не было его, Иван Савич. Не пожаловал.

— Кто не пожаловал?

— Да хулиган-то наш. Все в аккурате было. Тихо. Только из двадцать первого ночью пьяный пришел. Ну, ничего, не буйнил. Только мелом разные слова на дверях писал. Чуть спыня на чердак не полез вместо своего номера. А там эта была — рябая из девятнадцатого. Инженерово белье поскидала, свое навесила.

— Так, — протянул управдом, — а утром?..

— Утром что? Утром ничего. Дрыхли все. Только который экономический, толстый, вылез в шубе, в туфлях на босу ногу, пошлепал наверх да газету зытянул из чужих дверей..

— Ничего больше?

— Ничего, Иван Савич.

— Так, значит... — еще раз протянул управдом. — Ну, иди, Демидыч. А что это у тебя в руках?

— Да ничего, Иван Савич. Лампочка. В третьем этаже вывернул. Жильцу она на баловство нужна, а мне топить не при чем.

— Отдай, — сухо сказал Теркин, — у самого перегорела.

Он внимательно осмотрел лампочку, вздохнул и обиженно прошептал:

— Да-с... Жилец пошел... А ведь тоже — хулиганы, хулиганы!.. Ищи для них хулигана... Найдешь его чорта с два в таком домике!..

Арн, БУХОВ

РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА

Рис. М. Храпковского

— Завтра, кажется, у нас школьная экскурсия будет... Надо спрятаться, а то еще хвост оторвут...

— Что за драка?
— А это публика пробивается к прилавку посмотреть на вежливого продавца..

РАННЕЙ ВЕСНОЙ...

Есть еще в нашей стране этакие волшебные места, которые нужно призвать к порядку!

Скажем, январь. В Москве, как полагается, дьявольский холодина. Скрипит, будто деревянный, снег. На перекрестках пылают костры. У уличного музыканта замерзла ария в горлышке флейты. На окнах морозные папоротники (острая литературная деталь). И так далее.

И вдруг разворачиваешь в обледеневшем трамвае утреннюю газету и читаешь злорадную, тычащую нахальными пальцами прямо в лицо маленькую телеграмму. Нам пишут из Крыма. Дескать, здесь установилась весенняя погода. Цветут цикламены. Распустились магнолии. Появились первые купальщики. Ваш корреспондент вспотел в трусиках. Прибывшие вчера из Египта краквы в беседе с вашим корреспондентом сообщили, что... В это время трамвай сходит с лопнувших от мороза рельсов!

Нельзя ли все-таки поставить на место некоторые зарвавшиеся точки периферии? Южный пояс определенно распоясался!

К примеру, тот же Крым. Весна там совершенно дошла до ручки. В садах стреляют бутоны. Речки вышли из себя. Гремят грозы.

В Москве ленивая зимняя любовь с грузом пробирается к сердцам сквозь шубы, пиджаки, верблюжьи свитера, егерские фуфайки. А в Крыму давно царит пора весенних влюблений, настоящих весенних влюблений, от которых хмелеют, угарают, теряют голову (тоже остр. лит. деталь).

Именно такой бурной весенней любовью полюбила медицинская сестра Стаценко, скромно работающая в амбулатории города Карасу-Базара, в Крыму. Здесь нужен был бы специалист-татан, чтобы описать всю гамму переживаний, овладевших нашей медицинской сестрой («Терпкое, пряное чувство проникло глубоко в душу Ирины Стаценко. Томится Аринушка весенней истомой...» и т. д.). Наше же слабое перо не в силах описать все перипетии этого роскошного чувства. Пот катит градом с нашего пера, но ничего не выходит. Поэтому ограничимся сухой констатацией факта. Медсестра Стаценко влюбилась. Да-с!

В таком влюбленном виде ставила она банки, совала подмышки градусники и клала компрессы на флюсы и фурункулы. Но где

найти такой компресс, чтобы вытянуть жар из влюбленного сердца? Где найти такой градусник, чтобы измерить температуру очарованной души? Никакой термометр не выдержит. И лопнет, как миленький, от давления руги!

В изображаемый нами день ровно на пять часов у медсестры было назначено свидание. В саду! В беседке! О, боже! Работа в этот день валилась из ее рук. Пинцеты, шприцы и клистиры со стуком падали на пол. Время шло утомительно медленно, как спешное письмо. Три, четыре, половина пятого...

Ровно без четверти пять в амбулаторию вошел колхозник Махмединов и, ссылаясь на боли в пояснице, попросил поставить ему банки. Привычными движениями Стаценко украсила его спину изящными рядами банок.

— Вы пока положите, — сказала она, покраснев, — подождите меня.

И, заперев дверь на ключ, вышла. Вышла, чтобы, предупредив возлюбленного, вернуться через положенные десять минут. Она шла в весенних аллеях. Стреляли бутоны. Гремели водопады. Пели птицы. Она не шла, она летела на крыльях любви.

В беседке ждал он. Красивый. Изящный. Начитанный. Борода его пахла тонким запахом духов и сигар (еще раз острая литературная деталь). «Будем, как солнце!» — сказал он медицинской сестре и нежно взял ее под руку. Они вышли в сад и сели на скамейку. И, как водится, начали ворковать. Они ворковали час, ворковали два, ворковали три. Уже давно опустился вечер, а они ворковали. И так они проворковали до утра.

Утром влюбленная медсестра, как всегда, пошла на службу. (Любовь — любовью, а служба — службой!). И застала в амбулатории вчерашнего колхозника. Запертый, целую ночь пролежал он с банками на спине, покорно дожидаясь прихода сестры.

Вот до чего доводит ранняя весна! Не пора ли призвать к порядку так называемые волшебные края и области? Не пора ли прекратить раз и навсегда анархические штучки ландышей и ласточек, партизанские наскоки магнолий и жаворонков?

Не пора ли?

БРАТЬЯ ТУР

РЕАЛЬНОЕ НАПОМИНАНИЕ

Рис. М. Храпковского

— Теперь вспомнил!.. Обязательно нужно подумать о площадке для ребят!

ТИХИЙ МАЛЬЧИК

Мать привезла Шуру Кокосова в дом отдыха на весенние каникулы. Хотела остаться сама, но ее срочно вызвали на несколько дней обратно в город. Уезжая, она проинструктировала Шуру, в каком чемодане учебник истории, в каком — носки и мармелад, и потихоньку от него пошептала с соседями по комнате:

— Вы только не подумайте, что он какой-нибудь шумный... Он у меня мальчик тихий, воспитанный, мешать никому не будет... Я уж очень вас прошу, присмотрите за ним... Первый раз один без родителей...

— Не волнуйтесь, гражданка, — успокоил ее отдыхающий Слойкин, — я человек культурный. Я с ним займусь.

— У меня у самого два племянника в Костроме живут, — поддержал его второй отдыхающий Самогубов, — я детей насквозь чувствую. Ребенок, как воск: поживет, поживет и вырастет.

— Очень, очень вам благодарна, — шептала Кокосова, глотая материнские слезы, — я очень надеюсь...

И особенно ей стало легко, когда третий отдыхающий — публицист Гридасов — вставил и свое веское обещание:

— Я вашего ребенка, гражданка, возьму под анализ. Мне уже давно нужна душа советского ребенка для выводов.

Успокоенная Кокосова девять раз поцеловала смущенного Шуру и уехала.

В тот же день поздно вечером Шура Кокосов, проскучав у себя в комнате, осторожно пробирался по коридору в библиотеку.

— Мальчик! — остановил его на полдороге Слойкин. — Почему ты ходишь на цыпочках?

— Мне мама сказала, — ответил смущенный Шура, — чтобы я вечером не беспокоил отдыхающих. Может, кто-нибудь спит?

— Неправильное воспитание. Подавление личности в ребенке. Советский ребенок не должен ходить на цыпочках. Отрыжка старого прошлого. Это только в благородных институтах спали и ели на цыпочках. Чистокровная реакция. Вырастешь, — сам схватись за голову.

— Хорошо, — согласился Шура, — я не буду ходить на цыпочках, если это подавление.

И он зашелкал каблучками вниз в библиотеку.

Там он сел в кресло-качалку и стал читать Пушкина. Через десять минут в библиотеку вошел Самогубов.

— Пожалуйста, — сказал Шура Кокосов, поднимаясь с качалки, — садитесь.

Самогубов удивленно посмотрел на мальчика.

— Ты это зачем? — строго спросил он.

— Хотел уступить место, — покраснел Шура, — качалка одна, вы старший... Мне мама говорила...

— Отрыжка феодализма, — наставительно заметил Самогубов. — Глухое средневековье. Это какой-нибудь курфюрст бран-

денбургский уступал место Пипину Короткому. Мы уже смели это наследие. Экономика нашего времени говорит, что советский ребенок должен сидеть там, где сидит. Папа у тебя кто?

— Инженер.

— Ну, вот видишь. Советский инженер. Может, мосты строит или какой-нибудь атом дробит, а сын — во власти феодальных настроений.

— Хорошо, — вздохнул Шура, — я не буду уступать места.

— А что читаешь?

— Пушкина.

— Хороший бытовик. Только это тебе рано. Зачем советскому мальчику все эти одинокие парусы, которые белеют?

— Это из Лермонтова.

— Все равно — лирика. Тебе нужна пища для фантазии. Зарядка бодростью. Вот почитай Буссенара, как одному мулату ноги отрезали...

На другой день, когда все сели завтракать, Шура Кокосов вошел в столовую и поклонился.

— Ты это кому? — заинтересованно спросил Гридасов.

— Всем, — робко ответил Шура.

— Так... Введение театральных моментов в воспитание советского ребенка. Отрыжка сороковых годов. Герцог вошел в столовую замка и поклонился графам и виконтам. Запомни, мальчик, что советский ребенок должен активно подходить к столу, где эпоха подготовила для него кусок баранины. Пусть кланяются дети в мещанской Европе, у которых баранина вырвана изо рта немущих. Ты же — дитя сегодняшнего нашего дня. Понял?

— Понял, — сказал Шура и втиснулся к столу. — Вам, кажется, горчицу надо?

— Не растрчивай себя на буржуазный альтруизм, — строго остановил его Гридасов, — не один человек обслуживает общество, а общество — человека. Каждый возьмет себе, что надо.

Каждый имеет право на свою долю уксуса, перца и горчицы, но если один индивидуум будет протягивать другому перец, другой третьему — уксус, получится внеплановая анархия.

— Хорошо, — послушно сказал Шура, — я больше не буду передавать горчицу.

— Сантиментальное воспитание, — вздохнул Слойкин. — Розовая водица. Пастушеский период.

— Трудный ребенок, — согласился Самогубов. — Болезненная оторванность от эпохи. Такого не перекуешь.

В этот же день после обеда Слойкин сделал Шуре еще одно замечание:

— Хитрый ты мальчишка... Себе на уме. Все молчишь и молчишь. Камень за пазухой держишь... Все говорят, а ты сидишь и слушаешь...

— Мне мама говорила, что когда старшие...

— Мама, мама... Все мы мамы, когда воспитать не умеем.

Мнение у тебя собственное есть? Значит, высказывай. Настоящий советский ребенок должен заставить прислушиваться к своему голосу.

Его сменил Самогубов.

— Пришибленный ты какой-то, — грустно сказал он. — Дефективный. На улице весна. В лужах плескаться надо, камнем в воробья запустить. Пушкин — и тот птиц камнями бил. Мама за претила, поди?

— Мама, — согласился Шура. — Впрочем, если это надо, я буду...

Через шесть дней приехала Кокосова. Прямо со станции она попала к обеду, вошла в столовую и поблуднела.

За столом, развалившись, сидел Шура и, громко чавкая, глотал баранину.

— Ну, как мой Шура? — тихо и тревожно спросила она у Слойкина?

— Непонятный ребенок, трудный ребенок, — покачал тот головой и, отвернувшись, продолжал. — Так я говорю, что если сравнить лирику Байрона с Лермонтовым...

— А ну их, — неожиданно вмешался Шура, — один хромым, а другой на дуэлях почем зря дрался да о парусах разорялся... Скучота!

И он лихо сбросил под стол баранью кость.

— Шура, — дрожащим голосом попросила Кокосова, — передай мне масло...

— Сама возьмишь, — сухо ответил Шура. — Я тебе не грузчик, чтобы масло да сало растаскивать...

Через десять минут плачущая Кокосова вводила Шуру в комнату. Он отщелкивал в коридоре чечетку и плевал на стены.

— Шура, тише...

— Чего там, тише, — хладнокровно сплюнул он, — я тебе на цыпочках, как какой-нибудь курфюрст бранденбургский, топать не желаю. И пусть тебе отрыжки место уступают, а с меня довольно! Да не реви ты, — не разводи феодализм в этой паршивой дыре...

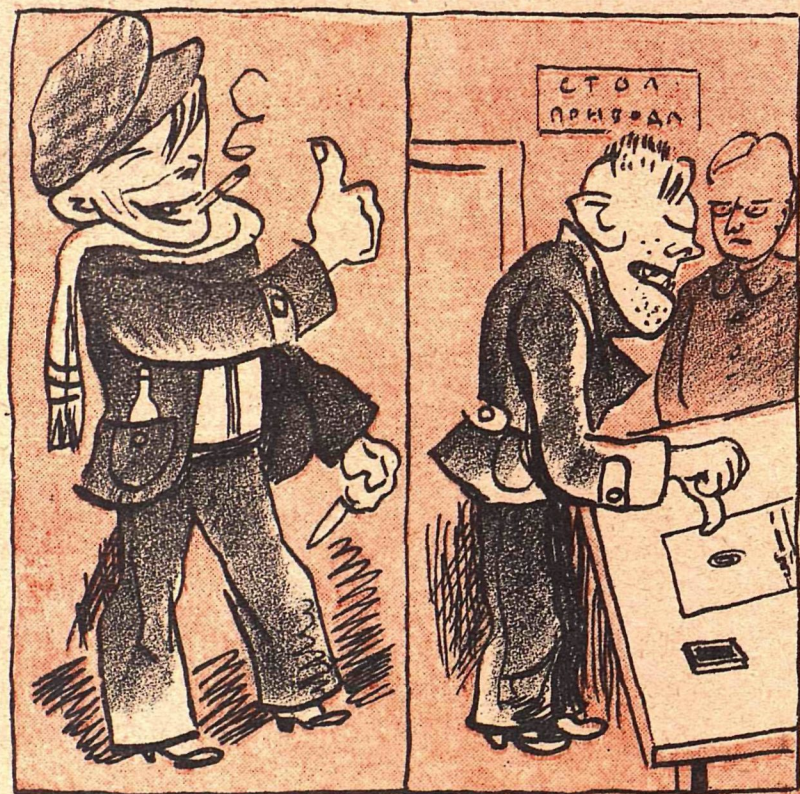
— Шура, — схватилась за голову Кокосова, — что с тобой стало? Что с тобой сделал?

Шура запустил палец в нос и сухо заметил:

— Воспитали, мамаша... Ну, поворачивайся скорее!.. У меня там в комнате два голубя подбитые в умывальнике лежат... Ощипли их, — вечером жрать будем...

УДАЛЬ И ДАКТИЛОСКОПИЯ

Рис. А. Радакова

— Парень, что называется, на большой палец...

— К сожалению, этот палец приходится держать иногда и так.

САХАР МЕДОВИЧ

В глаза его величают Дмитрием Аркадьевичем. За глаза — Сахар Медовичем.

Он приторно сладок в обращении с окружающими — на службе, на улице, в театре, в трамвае. Он убийственно вежлив и деликатен.

Есть непереносимое хамство, — оно вас раздражает, выводит из себя.

Бывает и страшная отталкивающая вежливость, — вас тошнит от нее, словно вы глотнули чрезмерную порцию сиропа.

На службе он разговаривал так:

— Клавдия Сергеевна! Выслушайте, пожалуйста, мою мысль. Нет ли у вас чернильного карандаша?

— Нет.

— Благодарю вас. Извините за беспокойство.

— Семен Михайлович! Разрешите побеспокоить вас одним небольшим вопросом.

— Пожалуйста.

— Если вам не трудно, скажите, ради бога, который час?

— У меня часы остановились.

— Я вам искренне признателен, Семен Михайлович...

Наш сослуживец Гнедов — вдов и бездетен. Тем не менее ежедневно при встрече с ним Сахар Медович, сияя обворожительной улыбкой, спрашивает:

— Как поживают жена и детишки?

И, не дожидаясь ответа, говорит:

— Очень рад. Очень рад! Мой искренний привет.

Он всегда улыбается ласково и приветливо. Он всегда ходит, заgrimированный улыбкой.

Еще в прошлом году он одолжил у Петра Игнатьевича пять рублей «на два, максимум три дня». До сих пор он денег не вернул. Но вежливостью и предупредительностью замучил бедного Петра Игнатьевича.

Каждый раз, завидя его, Сахар Медович стремительно подбегает к нему, признательно жмет ему руки и поет:

— Я вам очень признателен. Вы — настоящий друг и товарищ. Через два-три дня верну должок...

Недавно в коридоре нашего греста Петр Игнатьевич увидел приближающегося к нему Сахар Медовича. Стремглав, точно от погони, Петр Игнатьевич ринулся в ближайшую уборную.

Улыбающийся Сахар Медович остановился у дверей уборной, простоял на вахте минут пятнадцать и все-таки подстерег свою жертву. Он опять жал руку своему кредитору и благодарил до иступления...

Благодарить — самое любимое его занятие в жизни. Если в трамвае ему наступают на мозоль, он вскрикивает и вслед за этим машинально произносит:

— Благодарю вас...

Есть люди, о которых говорят — «он мухи не обидит». Сахар Медович не только не обидит мухи, но если она его укусит, он улыбнется и скажет:

— Я вам очень признателен, Муха Ивановна.

Недавно он попал в трамвайную катастрофу. Оторвался прицепной вагон и покатился по рельсам вниз. Сахар Медович сначала не понял, в чем дело.

— Что такое? — обратился он к одному из пассажиров.

— Катастрофа... Летим вниз...

— Благодарю вас, — сказал Сахар Медович, приветливо улыбаясь. И только после этого испугался.

Страшный человек!

Однажды на службе ему стало дурно. Мы его уложили в пустой комнате на диване и разошлись. Вскоре он заснул.

В перерыве мы заглянули в комнату. Он вдруг проснулся. Вскочил. И не своим голосом закричал:

— Почему вы тут шляется? Идиоты! Пошли вон, мерзавцы!

Никто из нас не успел обидеться. Мы были так ошарашены, что потеряли и дар слова и способность обижаться.

Великое изумление овладело нами. Перцов, наш счетовод, говаривал впоследствии, вспоминая этот необыкновенный случай:

— Если бы дебет переместился в кредит, а текущие счета стали бы плясать, я бы не так поразился...

Иступленные крики Сахара Медовича продолжались лишь одну минуту. Вслед за этим на его круглом лице вновь села улыбка.

— Ради бога, простите, пожалуйста. Снился плохой сон. Большое спасибо. Очень вам признателен. Понимаете ли, плохой сон...

Вскоре мы разузнали, что это был за сон. Ему снилось, что он находится —

— ... в домашней обстановке.

Мы узнали, что этот мягкий низкорослый человечек вежлив всюду — и на воде и на суше, — всюду, кроме одной небольшой территории.

Стоит ему переступить порог своей квартиры, как он становится извергом, восточным деспотом, пашой.

Моментально вся внешняя штукатурка спадает с его фасада, и изо всех щелей, точно несметное клопное стадо, вылезает хамство.

На лестнице своей квартиры он снимает с лица улыбку и прячет ее в карман.

„РЯД ВОЛШЕБНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ МИЛОГО ЛИЦА...“

Фотомонтаж Б. Клипча

Уличный ухарь, который сам любит сниматься вот так...

... И которого по образу его жизни правильнее было бы снимать вот так.

Он звонит. Ему немедленно открывают дверь. Он врывается с криком:

— Заснули, черти! Целый час я стою у двери и звоню. Бездельники!

Жена и дети молчат и трепещут, трепещут и молчат. Боятся слово сказать. Боятся чихнуть, кашлянуть, зевнуть.

У вешалки он разоряется: почему гвоздь шатается?!

У рукомойника скандалит: почему мыло не на месте?!

За столом орет: почему на скатерти пятно?!

Он кушает, издавая горлом, ртом, губами дикие звуки. Руками лезет в солонку, в общую тарелку, скатертью вытирает руки и губы.

Вдруг он вскакивает, опрокидывает стул и велит переставить на другое место круглый столик.

Жена робко возражает, сильно заикаясь от волнения.

Он перебивает ее криком:

— Кто платит за квартиру, за воду и освещение?!

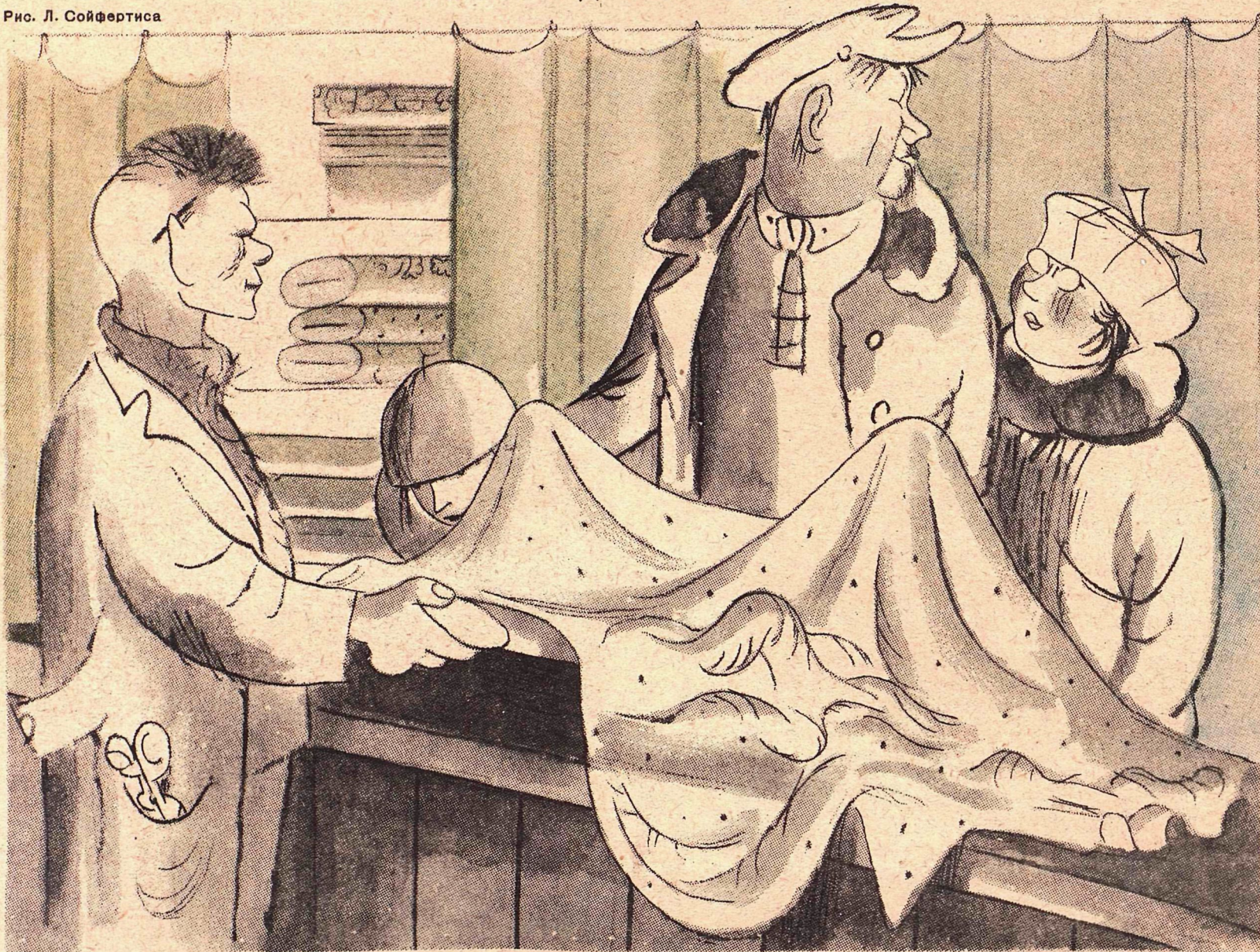
Но вот он вышел на улицу. Еще на лестнице он начал улыбаться.

У ворот он встречает дворника:

— Добрый день, Афанасий Михайлович! Как жена и детишки? Благодарю вас... Благодарю...

Г. РЫКЛИН

Рис. Л. Сойфертиса

— Не ругайтесь, гражданин! Разве вы не знаете, что покупатель должен быть вежлив с продавцом?
— А я не покупатель. Я просто посмотреть пришел.

НЕСМЕШНЫЕ КАРТИНКИ

— Простите меня, товарищи... Вы — молодая пара. А я, извините, старик. У меня вот седые волосы, да и они скрыты лысиной. Я пришел сюда слушать музыку. На концерт. Вы с меня не взыщите.

Я ведь и сам был молод. Я тоже сидел вот так, прислонив правый висок к левому виску девушки, то отклоняясь, то наклоняясь, нашептывал ей милые вещи.

И сзади нас также сидел желчный дурак, которому мы будто бы не давали слушать. Он, видите ли, привык смотреть на скрипачей, на пианистов; на всех тех, кто ломает здесь дурака. А наши качавшиеся головы портили ему поле зрения. Его раздражало, когда я постукивал ногой в такт, а милая девушка подпевала.

Иногда он шипел в расчете, что мы примем это по нашему адресу: «Лысый идиот! Чего ты вертись, как припадочный... Очковая обезьяна!.. Будь ты по крайней мере хорошенькая». — В старые времена девушки не носили очков — «Целуйтесь, проклятые, у себя дома».

Да, да, я — лысый дурак, вы правы. Вы — молодые люди; вы ходите на концерт, чтобы побыть вдвоем. Здесь вам ничто не мешает, кроме этой шумной музыки. Но я-то пришел сюда только ради нее. Ради музыки.

Впрочем, простите.

— Товарищ сосед! Вы не прикроете патефон?
— Почему так?

— Ребенок не спит. Болен.

— Сейчас погляжу: который сейчас час?

— Полдесятого.

— Не могу.

— Почему не можете?

— До двенадцати можно играть.

— Только потому?

— Потому.

— Это безобразие.

— Не безобразие, а закон.

Товарищ солидно обмахивает пластинку.

— Когда будет распоряжение в девять часов кончать, тогда буду кончать. А пока потерпите: мы все терпим.

— 383... 389... Физиономию бы разбил! Честное слово!..

Но чью физиономию?.. Поди, найди эту физиономию, владелец которой пришел в эту чудесную библиотеку, взял этот редкий английский журнал и тихо и мило вырезал из него статью — страница 383—389 — для того, чтобы спокойнее перевести ее дома.

Выхваченная статья до боли нужна этому всклокоченному и возмущенному молодому человеку.

Он сидит, уставившись бешеным, тупым взглядом в зияющую прореху и шепчет:

— Физиономию бы разбил!..

Но делать нечего. Статьи нет. Приходится уходить из библиотеки ни с чем.

— Товарищ, это вагон для некурящих.
 — Для некурящих? Почему такое для некурящих?
 — Потому. На дощечке написано.
 — Дощечку можно перевернуть. Только делов!!! Вась, у тебя есть спичечка?
 — Товарищи, я вас прошу не курить!
 — Вась, ты сюда не кидай... Гражданин, в чем дело?
 — Я вас прошу не курить. У моей жены грудь больная.
 — Почему так?
 — Жаба.
 — Жаба? Может, лягушка? Ну, ладно, мы тут покурим, она у вас выпрыгнет. Как, Вася?
 — Послушайте, я вас прошу: мы нарочно в этот вагон сели.
 — Нарочно в один сели, нарочно в другой пересядете. Их семь вагонов.
 — Брось, Миша! Не видишь, человек несознательный, и морда у него красная.
 — Да он пристаёт!
 — А пристаёт, — твои.

— Я очень извиняюсь, гражданин. Но больно уж вы громко чавкаете.
 — А что же я для вас с глушителем чавкать должен?
 — С глушителем, не с глушителем, а все-таки, как это говорится, сдерживайтесь. И к тому же рыгаете.
 — Это от пицци.
 — Меню для всех одинаковое. А вот я не рыгаю.
 — Скрытный, выходит, человек: потому я не рыгаю.
 — Да нет, просто, смотрю: это отравляет аппетит.
 — Кому отравляет?
 — Мне.
 — А!.. Ну вы и не рыгайте... Тьфу!.. Извиньте, косточка.
 — Послушайте! Вы, наконец, мне в тарелку плюнули! Вот на краешек.
 — А... Ежели бы еще в серединку плюнул...
 Какой роскошный и остро пахнущий букет можно составить из таких проявлений невинного на первый взгляд свинства...

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

ОДНАЖДЫ

Однажды, выйдя из пивной,
 (Пришлось убраться — вот досада!)
 Какой-то тип, весьма хмельной,
 Забрел в пределы зоосада.
 И, искривив гримасой рот,
 Сказал жильцу железной клетки:
 „Послушай ты, презренный скот!
 Тебе не стыдно жить на свете?“
 „Простите! Дело здесь не в том,—
 Ответил скот, шурша щетиной,—
 Не так уж стыдно быть скотом,
 Гораздо хуже быть скотиной!“

ВЛ. ВОИНОВ

Рис. В. Козлинского

— Я вчера прочитала замечательную статью о хулиганстве...
 — Какую?
 74-ю, часть 2-ю, из Уголовного кодекса РСФСР.

Рис. А. Толикова

— Теперь уже никто не скажет, что у нас в учреждении мало вежливости...

НЕ ВЕРЬТЕ ГЛАЗАМ СВОИМ

Скажем по секрету: вас интересуют вопросы гигиены женщины.

Вас не могут не интересовать эти вопросы, потому что вы, предположим, учитесь на медицинском факультете.

В витрине книжного магазина вы увидели необходимое вам учебное пособие:

«Малиновский и Шварцман. Гигиена женщины, Медгиз, 1933 год».

Вы забегаете в магазин. Уплачиваете 4 рубля 25 копеек. Берете домой. Раскрываете книгу.

Оставьте, друг мой, мечты о врачебной карьере. Немедленно переквалифицируйтесь на инженера авиостроения.

Потому что, хотя на обложке и значится «Гигиена женщины», а на самом деле это не что иное, как «Справочная книга по расчету самолетов на прочность».

Если же вы хотите ознакомиться с гигиеной, вернитесь обратно в книжный магазин и попросите «Справочную книгу по расчету самолетов на прочность».

Но вы, оказывается, не интересуетесь на данном этапе сво-

ей жизни ни гигиеной ни самолетами. Вас занимают вопросы более прозаические. Скажем, льноводство.

Обуреваемый желанием повысить свою квалификацию в этой области, вы приобретаете книгу, на обложке которой сказано далеко недвусмысленно:

«Справочник бригадира льноводного колхоза, Сельхозгиз».

Не выйдет, дорогой товарищ. Ничего у вас не получится с льноводством. Займитесь лучше птицеводством.

Потому что в переплет справочника по льноводству втиснут «Справочник бригадира-птицевода».

Взволнованный всеми этими событиями, вы решаете отдохнуть за беллетристикой. Вы вспомнили, что вы еще не читали «Разгром» Фадеева. Приобретаете эту книжку. Но...

Но вам сегодня определенно не везет. Вам еще раз придется читать «Неделю» Либединского.

На обложке «Разгром». А на самом деле — Либединский.

Короче говоря, — не верьте глазам своим.

И. ЯКОБСОН

День начинается с того, что Петька запирает в ванной старуху Грибаниху. Старуха Грибаниха покорно выносит строгую изоляцию минут пятнадцать, потом начинает с легким визгом колотить пяткой в запертую дверь.

Ее не слышат. Проходит еще пятнадцать минут. Грибаниха кричит, как мул на заре. Тогда к ней спешит на помощь детская писательница Амалия Семеновна Топорчук. Она освобождает несчастную пленницу.

Петька и Амалия Семеновна — враги. Вражда началась с того, что писательница как-то дала Петьке прочитать свой рассказ, а Петьке рассказ не понравился. Мальчики, о которых писала Топорчук, были не настоящие, они не дрались, учились с непонятным восторгом и разговаривали только особым деревянным языком:

«— Мой папа — премированный ударник. Моя мама и дядя — тоже. И я тоже должен обязать себя ударником на фронте учебы, — сказал Юра».

Петька книжку с рассказом вернул молча, а когда Амалия Семеновна раскрыла ее, она увидела поперек всего разворота нахальную Петькину резолюцию:

«Кто писал — дура».

С того дня детская писательница Петьку крепко невзлюбила, стала жаловаться на него отцу и вообще всячески Петьке вредить. Она-то и окрестила его «страшным мальчиком».

Когда Грибаниха и Амалия Семеновна уходят, Петька вылезает из своего убежища и начинает обдумывать дальнейшую программу дня.

В школу можно не идти — исключили за хулиганство, «выразившееся в том, что пытался надеть урну с мусором на голову преподавателя географии т. Куропаткина». Без школы Петьке трудно и скучно, но делать нечего!

Еще до случая с урной Петькиного отца — Николая Степановича Виноградова — вызывали в школу поговорить насчет неприличного Петькиного поведения, но Николай Степанович не пошел: некогда, да и вообще после смерти жены ему все стало как-то безразлично. Растет малый хулиганом, ну и пусть! На этом вмешательство школы в частную жизнь Петра Виноградсва и закончилось.

Узнав про исключение, Николай Степанович устало махнул рукой.

— Балбес! Отдам тебя в ФЗУ.

Как широк и многогранен мир, когда тебе 10 лет и никто не мешает развлекаться!

Можно заскочить в соседний двор — там мальчики протянули через проход тонкую веревку, играют в ловлю зверей сетями. Прохожие падают; один «зверь» зчера расшибся до крови, — мальчики очень смеялись.

Можно пойти в кино за угол, потолкаться у дневной кассы, — вдруг кто-нибудь потеряет билет.

Можно, наконец, власть покататься на трамвае. Это немного страшно (Володе Чубчикову отрезало ногу!), но очень-очень интересно.

До четырех часов Петька «ловит зверей сетями», катается в трамвае, кого-то бьет, и его тоже бьют, набивает себе про запас целую коробку окурков и, наконец, проголодавшись, спешит домой.

Отец еще на работе — на почте. Петька сам разогревает оставленный ему обед и, утрашающе чавкая, пожирает суп и котлеты. Ест он принципиально руками. Наконец, приходит отец.

Петьке скучно, ему хочется поговорить с отцом.

— Пап, а пап, куда Молоков полетел?

— Пишут — на Диксон. Отстань!

— А Диксон — это в Америке?

— В Америке. Отвяжись!

— Неуд тебе, неуд! Большой балбес вырос, а не знаешь, где Диксон!

— Как ты смеешь так с отцом разговаривать! Пошел вон, негодяй!

Петька выскакивает в коридор. В коридоре темно, холодно, пахнет мышами. Петьке очень скучно. Кроме него, детей в квартире нет, а взрослые сидят в своих комнатах, и дела им нет до Петькиной скуки и Петькиного одиночества. Сейчас бы в самый раз взять рубанок и топор и заняться моделью шестиместного биплана «П-5», но у себя в комнате трудиться нельзя, спит отец, а на кухне и в коридоре — запрещено Амалией Семеновной, на которую после обеда обычно снисходит творческое вдохновение, не терпящее шума и стука.

Остается одно — забраться за шкаф и там в уютной пыльной тишине помечтать, подремать, покурить. Петька так и делает.

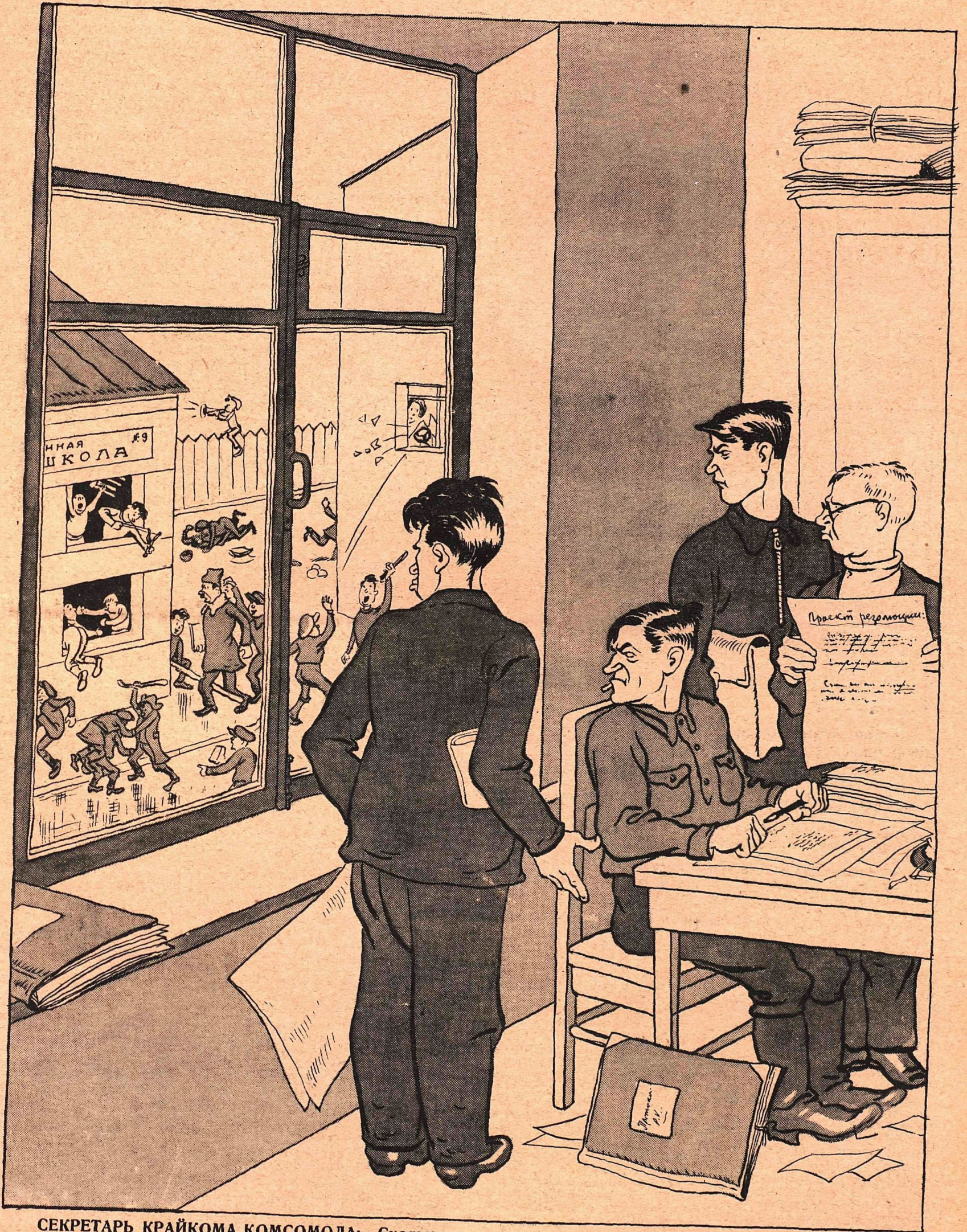
За шкафом он сидит долго, солидно сплевывая, курит, вспоминает школу и при этом тяжело вздыхает. Ему становится очень жалко себя. Крупные слезы текут по грязным щекам «страшного мальчика».

Успокоившись, но еще всхлипывая, Петька вдруг вспоминает, что дневная программа еще не исчерпана до конца.

Хитро оглядываясь, на цыпочках, Петька идет на кухню за гвоздями и молотком и осторожно, стараясь не особенно шуметь, чтобы не спугнуть трепетную музу Амалии Семеновны, крепко пришивает к полу калоши детской писательницы.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ВОСПИТАТЕЛИ РЕАГИРУЮТ

СЕКРЕТАРЬ КРАЙКОМА КОМСОМОЛА:—Сколько раз я говорил, что школу необходимо перевести подальше отсюда: такой шум, что просто заседать невозможно!

БЫТ И ЭСТЕТИКА

СКАЗКА ПРО ПИОНЕРВОЖАТОГО И СЕРОГО ВОЛКА

Жил-был в славном городе Саранске добрый молодец и товарищ Дмитриев. И был тот добрый молодец и товарищ комсомольцем и пионервожатым.

Вот выехал он со своими пионерчиками в лагерь. Стоят леса дремучие, текут ручьи гремящие, а на берегу у костра чество сядят пионерчики. Добрый молодец и товарищ Дмитриев песни им играет, лекции разные читает, уму-разуму учит.

Месяц лекции читает, второй — читает, третий — читает, а зарплаты, между прочим, не получает. Живет, прямо скажем, одним духом лесным.

Вот уже и осень притащилась, птицы в заморские края улетели, пионерчики из лагеря в город вернулись, а зарплаты нет как нет.

Заскучал тогда товарищ Дмитриев, оседлал своего серого волка и на том волке сиганул прямо в Саранский горком комсомола.

Поставил волка в гараж, входит в помещение.

Сидят люди горкомовские, бумаги пишут и пряником печатным те бумаги припечатывают.

— Ой вы, гой еси, люди горкомовские, — говорит им добрый молодец и товарищ Дмитриев, — помогите мне, братцы, со здравотдела деньги получить.

Не захотели горкомовские люди помогать доброму молодцу Дмитриеву, отвернулись от него и в бумагах зарылись, — у них akurat какая-то кумпания происходила, не до пионерчиков было.

Обратно оседлал своего серого волка товарищ Дмитриев и помчал назад в здравотдел.

А там говорят: не предусмотрено сметой.

Видит товарищ Дмитриев, что без разрыв-травы не обойтись, а разрыв-траву, известно где — в Москве добывают. Показал он серому волку дорогу, и поскакал тот волк прямо в Центральное бюро юных пионеров.

В Центральном бюро юных пионеров волка, конечно, облакали, даже культурную работу среди него провели — насчет недопустимости грубого обращения с мелким рогатым скотом в разрезе последних постановлений о развитии животноводства, выдали волку бумажку с разрыв-травой, и поскакал серый волк с той бумажкой в Мордовский комсомольский обком.

В Мордовском комсомольском обкоме волка тоже облакали, к московской разрыв-траве своей подкинули, а доброй молоднице Ве-

линой (она у них вторым секретарем обкома состоит) строго-настрога наказали за этим делом в четыре глаза следить.

Вот прискакал серый волк назад в Саранск. Устал, бедняга, язык наружу висит, и хвост совсем обтрепался.

Обрадовался добрый молодец и товарищ Дмитриев, побежал к людям горкомовским. Те мигом заседание собрали и постановленьице вынесли.

А денег все равно нет как нет! Не помогла московская разрыв-траву. Уперся здравотдел — и ни в какую! Комсомольский горком тоже платить не хочет.

Обратно седлает серого волка товарищ Дмитриев и сигает в обком. Приходит к доброй молоднице Велиной, говорит:

— Меня кто в лагерь посылал, я вас спрашиваю? Комсомольский горком посылал. Пускай горком и платит!

— Пускай платит, — отвечает Велина.

— Так ведь он не хочет платить-то, горком!

— А ты на него в суд подай.

Почесал в затылке добрый молодец и товарищ Дмитриев, тяжело вздохнул.

— Мне с комсомольским горкомом судиться, что с родной матерью: и неудобно как-то, и ничего все равно не высудишь. Я уж лучше так попробую, без суда.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Второй год добрый молодец Дмитриев добывает свои 250 рублей, а толку никакого. Не берет разрыв-траву саранских работников. Уже и серый волк давно сдох от переутомления сухожилий, сигавши из горкома в здравотдел, из здравотдела в обком, из обкома обратно в горком, а денег нет как нет.

А перед смертью, так добрые люди говорят, серый волк такие вещи слова произнес:

— Я, — сказал волк, — считаю, что Мордовский обком и Саранский горком комсомола бюрократически отнеслись к моему хозяину товарищу Дмитриеву и вообще так пионеров не воспитывают. Это, — сказал серый волк, — получается форменное безобразие.

Мы в Саранске не были, пива-меда не пили, и по усам у нас ничего не текло, а все-таки с серым волком целиком согласны. Правильно высказалось перед смертью доброе животное, — в самую точку.

ПРОВОДА КРАСНЕЮТ

В Красноярском крае есть такой город Кежмы. Не слышали? Сейчас услышите.

В том же Красноярском крае с давних пор имеется город Енисейск. Город всем известный.

Так вот между Кежмами и Енисейском вот уже несколько месяцев, как происходит оживленная телеграфная переписка.

Телеграфисты, работающие на линии Кежмы—Енисейск, не имеют ни минуты отдыха.

Но главное не в этом. Телеграфист, если этого требует настоятельная необходимость, способен работать и сверхурочно. Весь вопрос в том: какая работа.

А тут приходится все время конфузиться. Особенно это относится к телеграфистам женского пола. Вы только подумайте: по телеграфу — и вдруг такие слова.

Да что там требовать с телеграфисток! Телеграфные провода — и те, надо полагать, краснеют. С непривычки.

И всему виной катер.

Дело вот в чем. В Енисейске имеется трест Севполярлес.

А в Кежмах живет и работает тов. Тарасов, секретарь районного комитета партии. Кроме того, в Кежмах имеется катер. Севполярлес обещал Тарасову:

— Выполните план лесозаготовок, получите премию — мотор для катера.

Кежмы выполнили план, Севполярлес выполнил свое обещание: в Кежмы послан мотор.

Но тов. Тарасову мотор не пришелся по вкусу. Начинается телеграфная переписка на мотив:

«Ты ж мне обманула,
Ты ж мне подвела...»

Прислали авиационный мотор, работающий на бензине. Тарасов с детства терпеть не может таких моторов. Душа его стремится к нефтяным моторам. Но у Севполярлеса нет нефтяных моторов.

Нет? А Тарасову, скажите, пожалуйста, какое дело? Зачем же он старался? Зачем выполнял план лесозаготовок? Хоть изпод земли, а достаньте ему нефтяной мотор!

Тарасов телеграфирует в Енисейск.

Енисейск отвечает Тарасову.

Тарасов человек нервный и темпераментный. Он вкладывает в телеграммы весь свой пыл.

Ах, зачем он поверил на слово Севполярлеса! Раньше надо было получить мотор, а затем выполнять план. «Хорошо было дегинушке сыпать ласковы слова, каково же Катеринушке...»

Эта мысль выражена у него прозой в одной из телеграмм следующим образом:

«Ленин говорил: кто верит на слово, тот является безнадежный идиот, на которого махают рукой».

Назавтра после этой телеграммы, проникнутой духом самокритики, он шлет другую, более мотивированную:

«Прошу больше райкому партии не телеграфировать вопросам лесозаготовок. Ваши телеграммы для нас не авторитетны тем, что вы жулики болтуны. Обещали нефтяной двигатель, но не выполняете...»

Итак от имени райкома Тарасов заявляет, что больше он лесозаготовками заниматься не будет. Не выгодно.

В самом деле, к чему канитель, когда вместо нефтяного двигателя дают бензиновый?

Как не краснеть после этого телеграфным проводам, вынужденным по долгу своей службы сообщать о вымогательстве и шан-таже секретаря райкома Тарасова?

Г. Р.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ

Рис. Л. Бродаты

— Женщины — прежде всего.

— Женщины — прежде всего.

ЖЕЛАТЕЛЬНА ТИШИФИКАЦИЯ

Вот говорят все—техника, техника... А что техника, кого техника, — сами не знают. Возьмем такой случай: идет человек по площади. Он сам не знает, хорошо ли он идет, правильно ли соблюдает правила уличного движения... Вдруг крик: «Стой, стой тебе говорят. Стрелять буду».

Конечно, человек бывалый да еще москвич, он и внимания не обратит. Он понимает, что этот голос несется из звукового кино, что там по картине в это время самого вредного человека поймали. Но только на улице ничего этого не видно. А только слышно. Техника.

Теперь картина такая. Допустим, что выпить кофе, или закусить, или мороженое покушать

можно только под патефонные пластинки, это установлено, тут спорить долго не приходится. Но выйдя из кафе на улицу, хотелось бы как-то немного отдохнуть. Но не тут-то было: хриплые звуки джаза встречают вас на улице (передают оркестр в фойе под управлением кого-то), и даже вид похоронной процессии не может повлиять на эту лихую музыку.

Едва вы миновали эту джизированную зону, на повороте вас оглушает какое-то сопрано (передают концерт из Колонного зала), которое громким басом поет про птичек, которых не надо пугать (а людей пугать ей не жалко). Когда вы переходите от нее подалее на другую сторону, на вас опять начинают

кричать: «Воротнички четвертый этаж... Суп бризе доставляют на дом в 24 часа. Ресторан открыт до 6 ч. Коричневых бот нет, получены галстуки... размеры 36, 37 будут завтра... второй этаж налево... Детский мир за углом...» (Правда, пока вы войдете в магазин, вы забудете все, а уж там вам никто никогда не скажет, где что. Хоть опять беги на улицу).

Вы огорчаетесь, вы бежите за город успокоить немного нервы и там вы 15 минут ругаетесь с кассиршей на лыжной станции и даже не слышите друг друга, потому что громкоговоритель ловко устроен над самой кассой (передают концерт из Радио-театра).

Вы просите пьесы и сдачу.

Она дает вам талоны на душ и требует еще денег.

Увлечение техникой довело одного зав. клубом до того, что он радиофицировал уборную. Только жалко: грязь там была такая, что не только оперу туда ходить слушать, но и по делу нельзя было зайти.

К чему приводить еще примеры невежливого обращения с техникой?

Вот скромное предложение в порядке дискуссии: нельзя ли сделать заповедники тишины и хоть какие-нибудь уголки в городе отишифицировать. Кто за? Кто против? Кто воздержался? Кажется, принято единогласно.

Е. ГРИН

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

КОЛОНИАЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Рис. А. Раданова

— Бросьте эти штучки, господин лейтенант!

(См. рисунок внизу)

Дорогой Крокодил!

Уполномоченный Татпрофсовета тов. Маркин разослал всем завкомам Зеленодольска следующее распоряжение:

ВСЕМ ЗАВКОМАМ

Ввиду позднего сближения свих ставок ряда учреждений культсобр рабесл ж из зарплаты в перв 10 половин января не держай, а псе тем категорически воспрещаетс держивать его в вместе с поде дным ее.

Искл ТОПС Маркин, верно секретарь Архипова.

Дорогой Крокодил! Не можешь ли ты определить, на каком языке даны эти срочные директивы, и нельзя ли спешно выписать из Москвы переводчика с абиссинского или древне-халдейского?

С. ПАНИН.

Зеленодольск.

Дорогой Крокодил!

Сообщаю о весьма редком на мой взгляд случае невежества. На ст. Казалинск, Оренбургской ж. д., советский журнал «За рубежом» считают... контрабандной литературой!

Парторг ОРС Гудомаров произнес по моему адресу следующую обвинительную речь:

— Представьте, до какой наглости дошел человек. Он даже в конторе не стесняется читать «зарубежный» журнал. Ему мало знать о наших достижениях, он интересуется также и тем, что пишут о Советском союзе за рубежом!!!

Присутствовавший на заседании редактор местной газеты «Железнодорожник Казастана» Гаврющенко также возмутился моим поступком. Начал было я ему доказывать, что журнал я получаю не из Берлина, а из Москвы, и редакторы его не какие-нибудь

батько Махно и атаман Тютюник, а Максим Горький и Кольцов, но мне и договорить не дали. Может ли редактор газеты позволить счетоводу учить его — самого редактора!

Меня исключили за это из профсоюза.

Хожу, заверяю, кого только можно, в полной своей политической благонадежности, пишу заявления, — и никаких положительных результатов: судьи строги и непреклонны.

За чтение «За рубежом» я остался вне профсоюза, а согласно профсоюзному уставу и уставу службы на ж. д. в самом скором времени я вынужден буду также остаться и вне работы в учреждении.

МИХ. КУЛИШЕНКО.

Ст. Казалинск.

Дорогой Крокодил!

Сегодня утром я вырвал перо из крыла собственной курицы и благодаря этому энергичному поступку смог написать это письмо.

Гражданам, у которых собственных кур нет, приходится выпрашивать куриные и гусиные перья у друзей и знакомых. О стальных перьях мы уже перестали мечтать.

Товаропроводящая сеть считает стальные перья пережитком и полагает, что мы легко обойдемся и натуральными.

Очень опасюсь, что к нам могут забыть привезти спички и придется добывать огонь при помощи трения двух поленьев друг о друга.

А. КАЛИНИН.

Дмитров, Московской обл.

Дорогой Крокодил!

В Каменском районе (Калининская область) председатель горно Григорьев дал следующее распоряжение администрации местной гостиницы:

— В номера к приезжим не пропускать никого ни днем ни вечером. В случае, если кто-либо придет в номер к приезжему, дежурные будут сняты с работы.

Ответь, дорогой Крокодил, кем должны чувствовать себя приезжие в такой гостинице: военнопленными, заключенными или подозрительными по чуме и сидящими в карантине?

Я. ТЕВЕЛЕВ.

В. Луки.

Дорогой Крокодил!

Отдел благоустройства Запорожского коммунального хозяйства занялся борьбой с комарами. Имеются уже специальные комиссии для ловли комаров. Меня это не огорчает. Пусть ловят.

Мне только не совсем понятно одно: всем уличным комитетам отдел благоустройства предложил сдавать пойманных комаров под расписку.

Как будет вестись при этом бухгалтерия: будут ли записывать комаров по одиночке или заполнять графу полученных целыми комариными семействами?

Я. РУБИН.

Запорожье.

Дорогой Крокодил!

Хочу представить тебе Бархатова — помощника санврача по Шадринскому поселку на Черемховских рудниках.

Работа санврача — хлопотная и каверзная. Каждый день надо быть готовым ко всяким неприятностям. Чтобы достойно встречать подобные невзгоды на своем поприще, Бархатов перед каждой ревизией напивается. И тогда ему море по колено.

Однажды Бархатов напился и нагишом пошел ревизовать... женские бани.

Не буду вдаваться в подробности означенной ревизии, могу только сообщить тебе, что местный горздрав немедленно реагировал на хулиганский поступок Бархатова и разразился... устным внушением.

Теперь твоя очередь, дорогой Крокодил, внушить руководителем Шадринского здравотдела, что в борьбе с хулиганством и их покровителями существуют более решительные меры.

А. СИДОРЧУК.

Пос. Шадринск.

Дорогой Крокодил!

Мне 70 лет, и я решила переехать из Ленинграда в Москву, где проживают мои дети. Остановка за обменом жилплощади.

Комсомолец москвич Кантор поступил в Ленинградскую военно-морскую академию. Кантор решил обменяться жилплощадью.

Что может помешать мне и Кантору произвести обмен?

Домоуправления согласны, документы в порядке. Но... начальник Московского бюро обмена Тимахович возражает.

Мне Тимахович заявляет, что сомневается в Канторе. А Кантору говорит, что сомневается во мне. И заставил Кантора в принудительном порядке обменяться площадью с каким-то третьим гражданином.

Документы мои Тимахович отказался мне вернуть, а передал их через некоторое время Кантору.

Что все это значит? Почему при обмене жилплощадью исходят только из того, что желает левая нога Тимаховича?!

С. РАБИНОВИЧ - БРАУДО.

Ленинград.

Дорогой Крокодил!

Слышал ли ты про наш город Аткарск?

Знай, что в вопросах культуры этот маленький, незамеченный городок Саратовского края заткнет за пояс любой областной центр.

В больших городах о культуре, о вежливости лекции проводят, лозунги расклеивают. Все это очень сложно. В Аткарске дело решается гораздо проще.

К председателю Аткарского горсовета Харитонову зашли два гражданина. Зашли и забыли скинуть картузы. Это, конечно, не хорошо. Но знаешь, как их наказали?

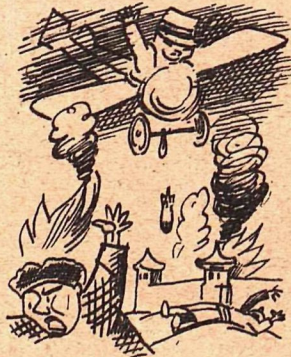
Харитонов проучил зарвавшихся граждан и распорядился... ОШТРАФОВАТЬ их.

Отныне административный кодекс города Аткарска пополняется новым пунктом:

«Посещение кабинета председателя городского совета в головных уборах воспрещается. За нарушение штраф».

Н. ПУЧКОВ.

Аткарск.

— Слушаюсь! Бросил!

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

СТАНЦИОННЫЙ МОРАЛИСТ

У романистов половая проблема выходит как-то занимательнее. Образы там разные, сценки, лирические отступления. В приказах эта проблема звучит суше и бескрасочнее. Да и, вообще, может быть, лучше не делать ее предметом исходящих и входящих бумаг.

Гражданин Рогожин, начальник совхоза ОРС депо ст. Глубокая, не дополнил этого и подарил человечеству следующий

ПРИКАЗ № 126.

Писемский Устинова Ткачев Чубарова Тиховкина Соколова Камбулова Грешнова, мною замечено совместное сожительство по парам предлагаю — представить в письменной форме с росписью обеих сторон на совместное со-

жительство не позже 5-го декабря, в противном случае будут приняты меры с распушенности половой жизни.

Завучастком тов. Теселеву обя-зывают проверить их исполнение, то есть, отобрать их подписи на добровольное согласие сожительства и при отобрании выделить им квартиру в доме 3, выделить 2-х спальные кровати и постельными принадлежностями.

Начальник совхоза ОРС депо Глубокая Рогожин.

Самое страшное здесь то, что над приказом стоит № 126. Интересно было бы знать, какими проблемами успел заняться и освоить их гражданин Рогожин в первых ста двадцати пяти приказах?

ЛЕЧЕБНЫЕ КУРЫ

В области ухода за большим скотом появились проблемы новых открытий и изобретений. Отмечаем одно из них, принадлежащее гению т. Мостякова, председателя колхоза «Труд» (Богданкипский район).

Когда на колхозных свиньях из-за плохого ухода появились парша и вши, Мостяков распорядился собрать со всей деревни кур и пустить их в свинарник для борьбы со вшами.

Когда заболели куры, такой Мостяков, наверное, пустит в курятник свиней. Способ простой и незагадочный. А главное — строго научный, что нам и хотелось отметить.

МУЗО-ЗАПАРКА

Несколько теоретических выводов из печатной программы Ленинградского радиовещания (на 2-ю половину февраля):

Остальные смычковые инструменты похожи на скрипку, но крупнее ее по размерам. Они следуют в таком порядке:

1. Альт...
2. Арфа — струнный щипковый инструмент. Звук на арфе извлекается щипком.

Товарищи! Какой же в конце

концов инструмент арфа: щипковый ли, потому что он смычковый, или смычковый, потому что он щипковый? После этого не долго поделиться с читателями и такими энциклопедическими сведениями:

Из духовых инструментов можем отметить турецкий барабан, из которого звук извлекается при помощи двух палок. Впрочем, его можно считать и струнным, так как на нем нет струн.

ОХОТНИКИ ЗА СОБАЧЬИМИ СКАЛЬПАМИ

Чуть свет — над поселком Сходня, Октябрьской железной дороги, поднимаются немолчная трескотня и суматоха.

Воздух ежеминутно потрясается выстрелами и паническим лаем затравленных собак. Это началось обстреливание празднопатающих собак.

Может быть, это происходит несколько иначе, но объявление, вывешанное на ст. Сходня, совершенно недвусмысленно:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Согласно постановления президиума поссовета от 20 февраля

1935 года предлагается всем гражданам, проживающим в поселке Сходня и имеющим собак, привязывать таковых.

Посовет еще раз предупреждает, что шатающие собаки с 1 марта 1935 года будут обстреливаться специальной тройкой. Обстреливание собак производится с 7 час. утра до 9 час. и с 16 час. до 24 час. вечера.

ПОССОВЕТ.

Не знаем, как насчет «шатающих собак», но для хулиганов на ст. Сходня — раздолье. Стреляй, сколько влезет: собаки отвечают.

ПЕРЕХОДЯЩИЙ ФОКСТРОТ

Главное — надо понять вузовца, а поняв, сразу можно нащупать его слабые места...

Очевидно, следуя этой незамысловатой теории, председатель профкома Пермского государственного университета А. Кузнецов заявил на культурно-бытовой конференции:

«Впредь мы будем допускать к танцам только тех студентов, которые ведут общественную работу и успевают не ниже, чем на «хорошо».

Премирование фокстротом — это, во всяком случае, эффектно. Сдал экзамен — и тут же в коридоре протанцевал под джаз, выполнил общественную нагрузку — и сразу же отшлепал на месте чарльстон.

Счастливым город Пермь! Какие в нем замечательные идеи родятся и, к сожалению, не пропадают...

В ПОРЫВЕ НЕЖНОСТИ

В прежнем Китае существовал довольно оригинальный способ бытовой мести: обиженный вешался под окнами у обидчика.

Приблизительно по такому способу борются с хулиганством в Майкопе.

Несколько декад тому назад на дверях майкопского Дома культуры появилась следующая афиша:

Бесплатные танцы, игры, аттракционы.

Для лиц:

Нарушителей внутреннего распорядка Дома культуры.

Дебоширов.

Хулиганов, зарегистрированных в Доме культуры.

Появляющихся в нетрезвом виде.

Подростков, употребляющих спиртные напитки.

Торгующих папиросами.

Портящих инвентарь Дома культуры.

ВХОД ПО ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫМ БИЛЕТАМ

Начало в 7 часов вечера.

К сожалению, мы не знаем, состоялся ли этот вечер и чем он закончился, но в одном мы уверены и без конкретных сведений из Майкопа: бороться с хулиганством такими способами — это все равно, что надеть на волка белые перчатки и ждать, что он перейдет на вегетарианское питание.

УПОЕНИЕ

В г. Чебоксарах население, очевидно для порядка, делится на две категории: просто граждан и ответственных работников. По крайней мере, местная газета «Красная Чувашия» не стесняется помещать такое объявление:

Чебоксарская артель им. Ленина заказы по индивидуальным

ордерам будет исполнять в двухнедельный срок, а ответственным работникам вне очереди.

Если в Чебоксарах откроют к лету общественную купальню, на ней, наверное, появится такой плакатик.

Пользование водой — для всех граждан, течение — только для ответственных работников.

СВОЕ ТВОРЧЕСТВО

Мы имеем возможность привести самую интимную афишу в мире, звучащую, как теплый разговор попоном.

Вывешена она была на днях на станции Барыбино (Моск.-Курск. ж. д.) и дословно гласила:

АЛЛО! Сегодня 23/II КИНОКАРТИНА БУЛТ-БАТЫРЬ

Цена билета своим — 30 коп., чужим — 60 коп. Начало в 8 часов.

После — танцы до упаду. Баянисты — свои.

Интересно было бы знать, кто составлял такую афишу: свои или чужие? Если чужие, — им, конечно, наплевать, но если свои, — стыдно. Свои люди, а такую ерунду на общий позор пишут!

Торговля носовыми платками поставлена Киевторгом буквально на большой палец.

Рис. Ю. Ганфа

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. в 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 263.

Сдача текста и рисунков 3/III—35 г.

Подпись к печати 9/III—35 г.

Статформат А0—220—333. Печать листов 3. Количество экз. в 1 печ. л. 120.000

Уполномоченный Главлита № Б—4329.

2-й филиал тип. газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, Суц. в., 49. Зак. № 108.

Тип. 300.000

27 MAR 1935

M1965

ВЕРХ ВОСПИТАНОСТИ

50

ВЕРХ ВОСПИТАНОСТИ
25 MAR 1935
Ю. ГАНФА

Рис. Ю. Ганфа

— Видишь, что значит хорошее воспитание... Вот Семен Павлович скандалит со своей женой, а как: на трех языках сразу!..